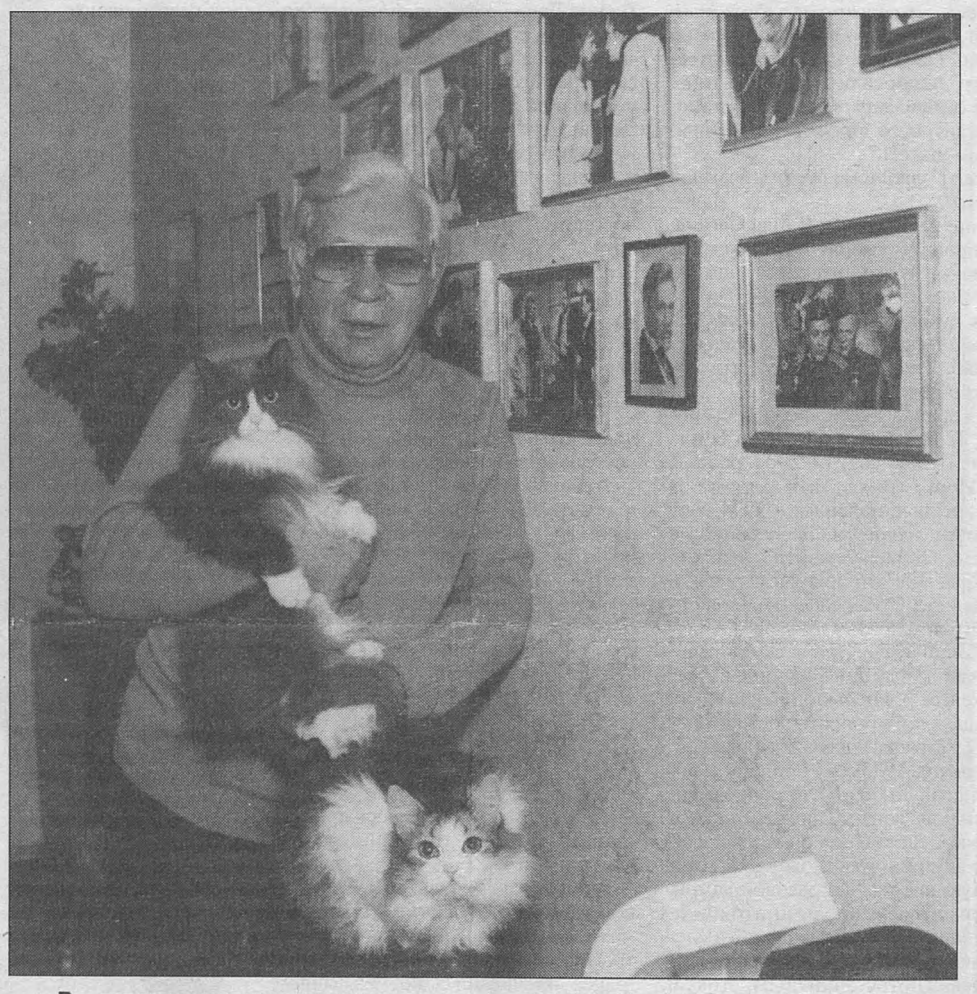
Вельяминов Петр Сергеевич „Экран и сцена" 1996г.

Кто скажет, что ему можно дать семьдесят, пусть первым бросит в меня камень. Кто скажет, что не пробовал на вкус родное хозяйственное телемыло завода имени Валерия Ускова и Владимира Краснопольского, пусть бросит в меня второй камень. Кто забыл, как исчезали с улиц люди, когда исчезали в полдень тени, пусть бросит в меня третий камень. Уверен, что мне не придется уворачиваться от града каменьев по пути к дому на углу Миллионной улицы и Фонарного переулка, где живет Петр Сергеевич Вельяминов, четыре с небольшим года назад превратившийся из москвича в петербуржца. Отпрыск древнейшего дворянского рода, корни которого уходят в одиннадцатый век, он любезно согласился на встречу, предупредив, что беседовать о юбилее было бы нежелательно: юбиляр относится ко всякого рода торжествам с иронией. Он и к себе самому относится с иронией — люди, воспринимающие себя всерьез, его всерьез настораживают.

Сельский коммунист из дворянского гнезда



О возрасте

– Петр Сергеевич, я хочу вам задать вопрос о возрасте, хотя мы и договаривались этого не касаться.

– Вот и не касайтесь, раз договаривались.

– И все же. Сомерсет Моэм говорил, что в возрасте, который я не называю и который принято называть преклонным, есть свои особые прелести. Вы не находите?

– Вы знаете, для меня моя жизнь – один сплошной поток. Я не понимаю, когда наступает один возраст и когда другой. Мне было раньше интересно и сейчас не скучно. Человек не думает о возрасте, пока он здоров, чувствует себя школяром и осознает, что он ничего еще не знает.

– То есть вы знаете, что ничего не знаете?

– Я даже этого не знаю.

О характере

– Вашим боевым крещением в кино был удар в челюсть, который батрак Захар получил от распоясавшегося кулака. Вы на самом деле выдержали семь дублей, как об этом писали восхищенные вашим мужеством режиссеры?

– Про семь-то дублей они ради красного словца присочинили. Но дубля четыре было точно. Губа у меня вспухла. Кажется, я не сдержался и ответил замечательному актеру и моему хорошему товарищу Сергею Полежаеву ударом на удар.

– А в жизни за вами тоже не заржавеет?

– Я очень вспыльчивый человек.

– Даже по мелочам?

– По мелочам стараюсь сдерживаться. И всегда после того, как прихожу в себя, страшно жалею о своем поведении и понимаю, что все можно было решить иначе.

– Проводите сами с собой воспитательную работу?

– Я все время себя воспитываю.

– С успехом?

– Я бы сказал, с переменным успехом. Понимаете, очень трудно сохранять спокойствие, когда сталкиваешься с хамством. А у нас так много хамства, и подстерегает оно в таких неожиданных ситуациях, что оставаться джентльменом не получается. Да и окружающие этого не поймут.

– Вы своенравный человек?

– Весьма.

– Вас нелегко сдвинуть с того, что вы задумали?

– Я могу во многом идти навстречу и уступать, кроме принципиальных для меня вещей. Вот тут меня действительно не сдвинешь. Но если вы имеете в виду планы на будущее, то я никогда их не строю. Воздушные замки – развлечение не для меня. В этом смысле я очень реалистичный человек. Бог даст день – бог даст и пищу.

– Вашего предка, иркутского губернатора во времена декабристов, называли неподкупным генералом. Вы можете себя назвать таковым?

– Я никогда не был генералом, и мне никогда ничего не предлагали.

– Я имею в виду другое. Способны ли вы ради блага поступиться принципами?

– Серьезных испытаний такого рода у меня не было. Иногда я видел, что человек меня обманывает, но мне было неудобно его в этом уличать. Я не показывал виду, кивал и говорил: хорошо-хорошо. А потом думал: да что же ты за гад такой паршивый? Но уличать мне неловко. Ну, считает он тебя за идиота – и пускай считает.

– Такие маленькие слабости вы людям прощаете?

– Не то что бы прощаю – просто стараюсь больше не иметь с ними дела.

– Вы не боитесь сжигать за собой мосты?

– Не боюсь и могу это делать.

– Это правда, что вы вскрыли себе вены, когда узнали, что вашей маме дали второй срок?

– Правда. Мне показалось, что невозможно больше жить, когда мою невинную маму второй раз несправедливо осуждают и высылают на пять лет. Могу показать шрам на руке – он остался.

– А наколка рядом что означает?

– Это уже мое дело... Она означает – свобода и неволя.

О лагере

– Первую свою роль вы сыграли в лагере?

– Да. Это был Максим Кошкин в "Любови Яровой". Хотя что во мне было комиссарского? Сейчас я вешу девяносто, а тогда – чуть больше сорока.

– Вы тогда уже твердо решили идти в артисты?

– Профессионалы-актеры из заключенных говорили мне: Петя, это твой хлеб. И добавляли: может быть, даже с маслом.

– Первой порцией масла стало сокращение срока?

– Всем участникам спектакля по "Русскому вопросу" скостили срок. Я отсидел девять лет и девять дней.

– Известен непримиримый спор Варлама Шаламова и Александра Солженицына о лагерном опыте. Читателю "Колымских рассказов" кажется, что он вместе с героями уже дошел до самого дна, но оказывается, что за ним открывается другое дно – так до бесконечности. По Шаламову лагерь – бесконечное падение. А у Солженицына порабощенный лагерем человек обретает внутреннюю свободу, которая превыше свободы внешней. Что подсказывает ваш опыт?

– По-моему, Шаламов неправ. И своей блистательной судьбой эту неправоту доказал.

О провинции

– Как вы после лагеря оказались в Абаканском театре?

– Мне было двадцать пять лет, когда я пришел туда и сказал, что хочу играть. Но меня приняли не сразу, и я еще года три работал на лесосплаве.

– Вы не жалеете, что так много сил и времени отдали провинциальному театру?

– Я бесконечно дорожу этим опытом. Провинциальные артисты в те времена служили театру не за деньги и не за страх, а за совесть. Я испытывал восхищение, похожее на то, которое было в детстве на мхатовских "Днях Турбиных" и "Синей птице". Когда мне через три года работы в театре одна артистка сказала: Петя, у тебя есть все основания стать артистом – я очень удивился. Ведь я уже был артистом. И только потом до меня дошло, что она имела в виду. Артистом нужно становиться всю жизнь. Мой путь был длинным: из Абакана – в Тюмень, из Тюмени – в Дзержинск, из Дзержинска – в Новочеркасск, из Новочеркасска – в Чебоксары, из Чебоксар – в Иваново, из Иваново – в Пермь, из Перми – в Свердловск, из Свердловска – в "Современник".

О "Современнике"

– Вы в "Современнике" не чувствовали себя провинциальным чужаком?

– Наоборот, когда я работал в "Современнике", мне казалось, что у меня складываются замечательные отношения с Галей Волчек и со всеми остальными. И до сих пор к ним сохранились родственные чувства, хотя и вижу их не так часто. Меня ввели в "Восхождение на Фудзияму" – первый спектакль, который Галя Волчек поставила в качестве главного режиссера. Я играл в "Погоде на завтра" Михаила Шатрова, в "Традиционном сборе" Виктора Розова, в "Двадцати днях без войны" по Константину Симонову.

– Как вы считаете, вы легкий партнер?

– Мне кажется, да. Я не тяну одеяло на себя. Это ведь наше с партнером общее дело – чем больше я его понимаю и ему помогаю, тем лучше играю сам.

– Вы не из тех актеров, кто любит выглядеть поэффектнее на безликом фоне?

– Нет, я в подобные игры не играю.

– Почему вы все же ушли из "Современника"?

– Кино мне голову вскружило. Что греха таить – хотелось сниматься. Значит, приходилось отпрашиваться. Я за двадцать пять лет снялся почти в восьмидесяти картинах – это очень много. Получалось по три-четыре картины в год. Я не говорю сейчас об их достоинствах или недостатках – в любом случае это требовало времени. Театр тоже требовал времени. А я по натуре однолюб – и то и другое не получается. Разрываться на два фронта – значит ничего толком не делать ни там, ни тут. А просить снисхождения в театре мне было неудобно. Как сейчас помню, во время гастролей в Тбилиси я подошел к Гале Волчек и сказал, что ухожу. Она как-то запротестовала. Говорит: давай пока этот разговор отложим. Потом мы говорили с директором театра Олегом Табаковым – решили подождать до декабря. Я понял, что еще немного – и я останусь в театре и брошу кино. Но потом подумал – и выбрал кино.

О кино

– Уйдя из театра, вы продолжали сниматься плюс участвовать в чёсе по городам и весям под девизом "Поет товарищ кино"?

– Никогда в жизни в этом не участвовал.

– Из высоких принципиальных соображений?

– Просто я не знал, как это делается. И потом, я много снимался и что-то зарабатывал, несмотря на то, что артистам платили не так много, как это могло казаться со стороны.

– Вы скромничаете. Рублей шестьдесят за съемочный день вы получали?

– Я начинал вообще с двадцати рублей. Потом повышали – до двадцати пяти, до сорока и наконец – до семидесяти пяти.

– Так вы были богатым советским человеком?

– Я всю жизнь был в долгах.

– Вы как-то сказали, что не любите отказываться от роли и видите в отказе проявление актерского снобизма. А вы не боялись обвинений в актерской всеядности и алчности?

– Не боялся. За глаза и царя ругают. Я бы хотел, чтобы те деньги, которые я получал, доставались бы тем, кто мне завидовал.

О режиссерах

– И все же, чем вы руководствовались, когда отказывались от роли?

– Я отказывался, когда был занят, или роль, которую предлагали, меня совсем не устраивала. Но я почти всегда принимал предложение, когда режиссер меня уговаривал. Как всякому русскому человеку, мне легче сказать "да", чем "нет".

– А потом жалеть о своем "да"?

– Бывало. Ты видишь возможности, которые заложены в сценарии, но будут они реализованы или нет, – это не от актера зависит. Актер – лицо подчиненное. А в кино вообще более чем.

– Вы не навязывали своей воли режиссеру, как это делают иные из маститых?

– Это очень сложно для меня. Зачем принимать предложение режиссера, если ты ему не веришь? Я должен либо во всем ему доверять, либо договариваться на берегу: я буду играть сам. Но поступать так я не умею.

– Вы смиренны в отношениях с режиссерами?

– Не всегда. Бывает, что возникают конфликты.

– Они решаются компромиссом?

– Иногда ты доказываешь свою точку зрения, не принимая никаких возражений, но по здравому размышлению начинаешь понимать: все-таки в его предложении что-то есть, надо попробовать. То есть позиции сдвигаются. Хорошо, когда они сдвигаются обоюдно, а не в одностороннем порядке – это всегда плохо.

О Захаре и Поликарпе

– С режиссерами Валерием Усковым и Владимиром Краснопольским конфликты возникали?

– Там несколько другое было. "Вечный зов" мы снимали десять лет, и я так вжился в своего героя, что иногда категорично заявлял: эту сцену нельзя играть так, я здесь должен говорить совершенно другие слова. Режиссеры меня понимали и шли навстречу. Вызывали Анатолия Иванова – он садился и переписывал диалоги. Я сказал ему: ты меня крестил, у меня теперь два новых имени – Захар и Поликарп. Бывало, идешь по улице и слышишь: смотрите, Захар – председатель праведный, от которого всё баба уходит. Или: гляди, Поликарп пошел, партийный он шибко.

О маниловщине и Ермаке

– Не жалеете, что Валерий Усков и Владимир Краснопольский так поздно принялись за "Ермака" – когда вы уже ушли из возраста главного героя?

– Нет толку говорить, о чем я жалею и что было бы, если бы.

– Значит, маниловщины в вас нет?

– Маниловщина есть в каждом русском человеке.

– В чем же она у вас проявляется?

– Так вот с ходу и не скажешь. Например, хорошо бы мои близкие перестали бояться завтрашнего дня. Если это называть маниловщиной – я согласен, пусть.

– А подумать: хорошо бы мне сыграть главную роль в "Ермаке"?

– Нет. Меня часто спрашивают: какую роль вы хотели бы сыграть сейчас? Да любую. Не

- Экран и сцена -